

Зайцев Дмитрий ВадимовичМГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет
кафедра истории русской литературы
e-mail: d_zaiczev@mail.ru**НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ И АНТИНАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»**

Аннотация: Статья посвящена анализу натуралистических дискурсов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Как мы покажем, отношения Толстого с натурализмом были противоречивы: с одной стороны, писатель полемизировал с антропологическими концепциями эпохи, с другой – обсуждал их и уделял им внимание, а некоторые аспекты принимал безусловно.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; «Воскресение»; натурализм; русская литература XIX в.

Замечено, что публикация сборника Ш. Бодлера «Цветы зла» (1857) совпала с выходом первого научного исследования вырождения – «Трактата о физическом, интеллектуальном и нравственном вырождении рода человеческого» О. Б. Мореля [см. Morel 1857]. О. Матич пишет: «Сегодня можно сказать, что совпадение по времени выхода сборника стихов Бодлера и научного трактата Мореля свидетельствует о возникновении во второй половине XIX в. важного культурного дискурса, в котором переплетались декаданс в искусстве и, как теперь принято говорить, псевдонаучная теория вырождения» [Матич 2008, 14].

В этот дискурс было встроено и позднее творчество Л. Н. Толстого. Но ни декадентским упадничеством, ни натуралистическим вырождением оно не исчерпывается. Поздний Толстой сосредоточился на идее Бога («Исповедь», 1882), теме духовных исканий («Отец Сергей», 1898), проблеме пола («Крейцерова соната», 1889). Писатель связывал ситуацию конца века в одноименной статье с «великим переворотом, который готовился почти 2000 лет во всем христианском мире, переворотом, состоящим в замене извращенного христианства и основанной на нем власти одних людей и рабства других – истинным христианством и основанным на нем признанием равенства всех людей и истинной, свойственной разумным существам свободой всех людей» [Толстой 1928–1958: XXXVI, 232].

В соответствии с этими установками создавался последний роман Толстого – «Воскресение» (1899). Завязку произведения предваряет описание весны, которая, несмотря на попытки людей «изуродовать ту землю, на которой они жались» [Толстой 1928–1958: XXXII, 3], пробивалась сквозь камень, копать и дым. Весеннее возрождение природы резко контрастирует с «темным вонючим коридором» [Толстой 1928–1958: XXXII, 4] губернской тюрьмы. В первых же главах романа читатель сталкивается с обстановкой тюрьмы, публичного дома и т. д. Подобные локусы ассоциируются с так называемой «трущобной литературой» (В. А. Гиляровский, А. И. Свирский и пр.), к которой Толстой проявлял непосредственный интерес (статья «Так что же нам делать?», 1884–1886 гг.). Актуализация этого пласта литературы на рубеже веков связана среди прочего с популярностью в России теории о прирожденных преступниках итальянского антрополога Ч. Ломброзо [см. Ломброзо 1885, 1892, 1897, 1900].

И криминально-антропологический дискурс в произведении Толстого имеет очень большое значение¹.

В концепции Ломброзо преступником можно родиться, это своеобразное биологическое отклонение. Вследствие такой предрасположенности преступление становится результатом не собственной воли человека, а «биологического рока», атавизма². Эти идеи активно вбирали в себя самые разные дискурсы на рубеже веков: натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации (И. И. Ясинский «Старый сад», 1883), ранний русский символизм (например, роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», 1902) и др. С этими идеями, безусловно, был знаком и Толстой.

Исследователи многократно воспроизводили и анализировали эпизод встречи Ломброзо и Толстого в Ясной Поляне³. Результатом этой встречи стала не только скромная дневниковая запись («Был Ломброзо, ограниченный наивный старичок» [Толстой 1928–1958: LIII, 150]), но и ряд отсылок к идеям итальянского антрополога в художественных произведениях. Самая известная из них – сцена суда в «Воскресении», обнажающая толстовское отношение к натуралистическим концепциям.

На этом судебном заседании товарищ прокурора произносит речь, в которой «было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство» [Толстой 1928–1958: XXXII, 72]. Эта речь – не только сатира на медицинские дискурсы, но и выражение характерной для позднего Толстого ненависти к общественным институтам, в том числе и к состязательному суду.

В риторике обвинителя важно и то, что не преступление выводится из наследственности, а наследственность из преступления, поскольку родители одной из подсудимых неизвестны. Это точно отмечает Р. Николози: «Ироническое изобличение Толстым биомедицинских теорий преступности, допускающих произвольную интерпретацию, напоминает об их карнавализованном изображении в „Братьях Карамазовых“. Толстовская сатира наносит еще более мощный, нежели „гоголевская“ сцена Достоевского, удар по самой сути сомнительного научного статуса этих концепций – их принципиальной нефальсифицируемости» [Николози 2019, 199]. Отметим, что фальсифицируемость будет предложена в качестве признака научного знания позже.

На судебном процессе главный герой романа Дмитрий Нехлюдов встречается с Катюшей Масловой, «которую десять лет тому назад соблазнил <...> и бросил» [Толстой 1928–1958: XXXII, 14]. И до какого-то момента читатели-современники могли видеть в истории Нехлюдова типичный нарратив о вырождении, то есть постепенную физическую и нравственную дегенерацию. Из «честного самоотверженного юноши, готового отдавать себя на всякое добро»

¹Мы опираемся на следующие работы [Сироткина 2009; Kokobobo 2012; Russian Writers 2015; Kokobobo 2017; Могильнер 2017; МакРейнольдс 2017; Николози 2017; Николози 2019].

²Подробный анализ идей Ломброзо см. [Николози 2019, 170–210].

³Ломброзо оставил знаменитую заметку «Мое посещение Толстого», см. [Ломброзо, 1902].

герой в глазах читателей превращался в «развращенного, утонченного эгоиста, любящего только свое наслаждение» [Толстой 1928–1958: XXXII, 47].

Толстой дает следующую характеристику: «Тогда женщина представлялась таинственным и прелестным, именно этой таинственностью прелестным существом, – теперь значение женщины, всякой женщины, кроме своих семейных и жен друзей, было очень определенное: женщина была одним из лучших орудий испытанного уже наслаждения. <...> Тогда своим настоящим я он считал свое духовное существо, – теперь он считал собою свое здоровое, бодрое, животное я» [Толстой 1928–1958: XXXII, 48]. «Животное», «биологическое», «витальное» – важные понятия из словаря натуралистов, определяющие особый ракурс представления человека. Человек в литературе натурализма «выводится» не из пресловутой среды, а из биологического измерения, он сводится к животному.

Ненависть позднего Толстого к сексуальной стороне брака связана, как нам кажется, не только с увлечением богословием, но и с представлениями об этой животной природе человека. Толстой писал в «Послесловии к „Крейцеровой сонате“» (1889–1890): «Для того же, чтобы не делать этого, надо, чтобы изменился взгляд на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины <...> до и после женитьбы не смотрели на влюбление и связанную с ним плотскую любовь как на поэтическое и возвышенное состояние, как на это смотрят теперь, а как на унижительное для человека животное состояние, и чтобы нарушение обещания верности, даваемого в браке, казнилось бы общественным мнением» [Толстой 1928–1958: XXVII, 80]. Таким образом, неприятие «полового общения» [Толстой 1928–1958: XXVII, 79] вырастает из «гигиенического», «биологического» дискурсов⁴, которые органично соотносятся с натуралистическими: энергия, растраченная на женщину, растрачена впустую, что крайне неэкономно и губительно для человечества вообще.

В этом контексте значим и факт большой любви писателя к Г. де Мопассану. В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» (1893–1894) Толстой назвал его роман «Жизнь» «не только несравненно лучшим романом Мопассана, но едва ли не лучшим французским романом после „Misérables“ Гюго» [Толстой 1928–1958: XXX, 7]. Толстой *так* высоко ценил творчество французского коллеги, что даже предлагал новеллы Мопассана в «Круге чтения» [Тулякова 2019]. Очевидно, Толстого привлек мотив инцеста (упоминаются рассказы «Порт» и «Отшельник»), однако для «Круга чтения» он переработал натуралистические финалы Мопассана, второго французского автора, в соответствии с моралистическими традициями первого – В. Гюго. Этот зазор, который Толстой сам сформулировал, налицо: его явно привлекали натуралистические дискурсы, активно развивавшиеся в это время в Европе, но полностью принять их проблематику он не мог.

Процесс вырождения объясняется в «Воскресении» детерминизмом, тем, что Нехлюдов «стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего живот-

⁴Уже читатели «Войны и мира» отмечали беспримерное внимание Толстого к телесному и биологическому. Например, Н. Н. Страхов в рецензии на роман писал о физиологии и психологии возраста, об описании родов, биологически конкретном описании умирания и т. п. Подробнее см. [Страхов 1984].

ного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено, и решено было всегда против духовного и в пользу животного я» [Толстой 1928–1958: XXXII, 48].

Этот социально-биологический детерминизм в традиционных романах о вырождении непреодолим (угасание семейства Ругон-Маккаров, постепенная гибель Головлёвых и пр.). Но неслучайно Николози, обсуждая сцену суда, вспоминает роман Достоевского. По нашему мнению, «Воскресение» можно поставить в ряд произведений, в которых герои преодолевают биологический рок: «Братья Карамазовы», «Приваловские миллионы» и др.

В «Воскресении» Толстой предлагается свой выход из детерминирующего нарратива о вырождении – «воскресение». Писатель в эпоху относительности ценностей⁵ пытается выстроить аксиологию, основанную на христианском мировоззрении. Воскресение – центральное понятие христианства, и настоящая христианская свобода заключается именно в вере в воскресение⁶. Оно в романе противостоит вырождению как событие – состоянию, как акт – закону, как результат воли и усилия – фатализму. Это излюбленный русскими писателями тип решения судьбы героя (у того же Достоевского особенно часто герои отправляются на каторгу, где духовно перерождаются). И такое нравственное воскресение переживает в романе Нехлюдов.

Нехлюдов – укоренившийся в толстовской прозе герой (встречается в повести «Отрочество», «Юность» и др.), на автобиографичность которого указывали исследователи [Гудзий 1960, 6–61, 148–157]. Узнав на заседании суда Катюшу, «Нехлюдов почувствовал страх, как будто не он шел судить, но его вели в суд» [Толстой 1928–1958: XXXII, 66]. Здесь мы можем видеть проекции самого Толстого. С ранних лет писатель чувствовал в себе глубокий эротизм, и поступки, схожие с нехлюдовским, молодой граф совершал множество раз⁷.

Первым шагом к воскресению для героя стала церковная служба. Заутреня, которая «осталась для Нехлюдова одним из самых светлых и сильных воспоминаний» [Толстой 1928–1958: XXXII, 54], приобретает в контексте полемики с натурализмом антипозитивистское значение. С этим же связано и его отчуждение от телесного («Он с отвращением вспомнил об ее прекрасных плечах и руках» [Толстой 1928–1958: XXXII, 100], – думает Нехлюдов о Корчагиной).

⁵В первую очередь мы имеем в виду тезис Ф. Ницше о «переоценке ценностей» и его смежные идеи, которые, по нашему мнению, глубоко укоренились в культуре. См. [Ницше 2007].

⁶Также в романе исследователи усматривают связь с философией Н. Ф. Федорова. Например, см. [Гачева 2011]. Кроме того, по нашему мнению, теория живого органического мира («мировых фагоцитов») Симонсона перекликается с философией общего дела Федорова.

⁷Это зафиксировано в дневниках. Подробнее см. [Паперно 2018]. Кроме того, во время работы над повестью «Отрочество» Толстой создает рассказ «Записки маркёра», где героя – тоже Нехлюдова – везут в бордель, и он тяжело переживает это «посвящение». Н. Н. Гусев отмечал: «та сцена в „Записках маркёра“, где молодые люди уговаривают Нехлюдова поехать с ними туда, где он никогда не был, и, возвратившись, поздравляют его с „посвящением“, а он в ответ на это говорит им: „Вам смешно, а мне грустно. Зачем я это сделал? И тебе, князь, и себе в жизнь свою этого не прощу“, а потом заливается – плачет, – сцена эта, не касаясь деталей, несомненно, имеет автобиографический характер» [Гусев 1954, 169].

Идеология «воскресающего» Нехлюдова (в сущности, самого Толстого) артикулирована в эпизоде с двадцатилетним мальчиком, вором никому ненужных половиков. Нехлюдов, услышав это дело в суде, произносит важный монолог: «Что же мы делаем? Мы хватаем такого одного случайно попавшегося нам мальчика, зная очень хорошо, что тысячи таких остаются непойманными, и сажаем его в тюрьму <...> Для того же, чтобы уничтожить те условия, в которых зарождаются такие люди, не только ничего не делаем, но только поощряем те заведения, в которых они производятся. <...> если бы тогда нашелся человек, который сказал бы: „Не ходи, Ваня, нехорошо“, – мальчик не пошел бы, не заболтался и ничего бы не сделал дурного» [Толстой 1928–1958: XXXII, 123].

В обстановке натуралистических «декораций» резко звучит монологический голос автора. Борьба с государственными институтами, социальный критицизм и христианская мораль – это главные положения, которые определяют логику последующих действий героя. Нехлюдов отказывается от земли в пользу крестьян, помогает заключенным (Шустовой, Меньшовым и др.), обещает жениться на Катюше и следует за ней на каторгу.

Для позднего Толстого проповедь – важная духовная практика, мировоззренческая категория и способ религиозного учительства. Натуралистам же свойственен специфический биологический имморализм: морально все, что ведет к выживанию (см., например, пьесу Б. Шоу «Профессия миссис Уоррен», 1893–1894 гг., роман Т. Драйзера «Сестра Керри», 1900, и др.). Человек, связанный биологическими и социальными законами, индифферентен к любой проповеди. И в «Воскресении» натуралистический нарратив разрушается, а имморализм оборачивается морализаторством.

Таким образом, Толстой эксплуатирует натуралистические дискурсы, но использует их для внелитературных, идеологических целей. Так, роман «Воскресение» оборачивается антиломброзианским памфлетом. Но в целом взаимоотношения писателя с натурализмом неоднозначные. Если в случае с антропологическими теориями преступности Толстой протестует, то с концепцией вырождения – ведет скрытую полемику, а ряд идей, связанных с проблемой пола, сексуальными отношениями и браком, – принимает.

Писатель демонстрирует высокую степень резистентности к натуралистическим концепциям. Как мы показали, Толстого нельзя объяснить и исчерпать только одним «большим стилем» (как, например, П. Д. Боборыкина). Но уже то, что такой крупный художник обращает внимание на эти идеи, рассматривает их как предмет для разговора и даже вступает в полемику, становится важным литературным фактом, этапом в формировании русского натурализма.

Список литературы

1. Гачева А. Г. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров: спор о смысле и назначении христианства // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 29. – С. 90–112.
2. Гудзий Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. – М., 1960.
3. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. – М., 1954.
4. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство: Параллель между великими людьми и помешанными. – СПб., 1885.

5. Ломброзо Ц. Мое посещение Толстого. – Carouge (Geneve), 1902.
6. Ломброзо Ц. Новейшие успехи науки о преступнике. – СПб., 1892.
7. Ломброзо Ц. Преступление. – СПб., 1900.
8. Ломброзо Ц., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. – Киев; Харьков, 1897.
9. МакРейнольдс Л. П. И. Ковалевский: Уголовная антропология и русский национализм // Новое лит. обозрение. – 2017. – № 2. – С. 342–359.
10. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. – М., 2008.
11. Могильнер М. Прирожденный преступник в империи: Атавизм, пережитки, бессознательные инстинкты и судьбы российской имперской модерности // Новое лит. обозрение. – 2017. – № 2. – С. 318–341.
12. Николози Р. Преступный тип, Ломброзо и русская литература: Нарративные модели изображения врожденной преступности и атавизма в Российской империи 1880–1900 годов // Новое лит. обозрение. – 2017. – № 2. – С. 360–382.
13. Николози Р. Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. – М., 2019.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для все и ни для кого // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 2007. Т. 4.
15. Паперно И. А. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. – М., 2018.
16. Сироткина И. Е. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. – М., 2009.
17. Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III, IV // Литературная критика. – М., 1984. – С. 259–288 (Б-ка «Любителям российской словесности»).
18. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л., 1928–1958.
19. Тулякова А. А. «Круг чтения» Л. Н. Толстого: генезис и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2019.
20. Kokobobo A. Estranged and Degraded Worlds: The Grotesque Aesthetics of Tolstoy's Resurrection // Tolstoy Studies Journal. – 2012. – 24. – P. 1–15.
21. Kokobobo A. Russian Grotesque Realism: The Great Reforms and Gentry Decline. – Columbus, 2017.
22. Morel B. A. Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine et des causes qui produisent ces variétés malades. – Paris, 1857.
23. Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism. Ed. by K. Bowers and A. Kokobobo. – Cambridge, 2015.

Dmitry V. Zaitsev

Moscow State University, Philological Faculty

Department of History of Russian Literature

e-mail: d_zaitsev@mail.ru

(ANTI-)NATURALIST STRATEGIES IN THE NOVEL “RESURRECTION” BY L. TOLSTOY

Abstract: *The article is a part of the research work devoted to studying naturalist discourses in the novel “Resurrection” by Leo Tolstoy. As will be seen, Tolstoy’s relations with naturalism were contradictory: on the one hand, the writer polemicized with the anthropological concepts of the epoch, on the other hand, he discussed them and paid attention to them, and accepted some aspects altogether.*

Keywords: *L. N. Tolstoy; Resurrection; naturalism; Russian literature of the 19th century.*